

КИРИЛЛ БОРИСОВИЧ НАЗАРЕНКО

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры источниковедения истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
k.nazarenko@spbu.ru

«КЛУБ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ»: РУССКОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ОФИЦЕРСТВО В ДНЕВНИКАХ В. С. САВОНЬКО*

Дневники русского гвардейского офицера В. С. Савонько, недавно приобретенные Отделом рукописей РНБ, представляют собой ценный источник по истории русской гвардии и особенно гвардейского офицерства предреволюционной эпохи. Для того чтобы дать правильную оценку этому источнику, необходимо проанализировать систему подготовки офицеров, сложившуюся в сильнейших армиях Европы (русская, германская, французская, австро-венгерская) к концу XIX века. Изучение этого вопроса привело автора статьи к выводу, что во всех европейских армиях офицерский корпус продолжал оставаться клубом для избранных. В разных странах барьеры для проникновения в офицерскую среду выходцев из низких социальных слоев были оформлены по-разному, но везде они действовали одинаково эффективно. В роли таких барьеров могли выступать законодательно оформленные сословные привилегии, плата за обучение в военно-учебных заведениях, длительный срок обучения в них, негласная фильтрация их абитуриентов, отбор кандидатов для службы в определенном полку обществом офицеров, высокие требования к стандартам жизни офицера, которые предполагали дополнительные расходы. Необходимость обеспечить офицерским корпусом массовые армии приводила к тому, что офицерство могло расслаиваться, выделять из своей среды более и менее привилегированные слои. Кроме того, вооруженные силы вынуждены были выполнять в ряде стран (прежде всего в России) роль рассадника культуры и образования, что ставило перед ними дополнительные задачи.

Ключевые слова: офицерский корпус, подготовка офицеров, В. С. Савонько, вооруженные силы

В Российской национальной библиотеке ныне хранятся дневники Владимира Степановича Савонько (1877–1939), охватывающие десятилетие – 1899–1909 годы. Их автор в течение всей своей службы в дореволюционной армии был офицером лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Одновременно в 1905–1906 годах В. С. Савонько учился в Петербургском археологическом институте, он был одним из основателей Военно-исторического общества, проявил себя как публицист. Личность В. С. Савонько должна быть поставлена в контекст эпохи и среды, представителем которых он был. Будучи гвардейским офицером, автор дневников вращался в придворно-военных кругах, где чувствовал себя своим человеком. 25 ноября 1899 года В. С. Савонько записал в дневнике: «Состоялся бал в артиллерийском училище, а перед ним концерт юнкеров. Присутствовали: В[еликие] К[нязья] Михаил Николаевич, Сергей Михайлович, Андрей Владимирович (бывшие юнкера училищ) и весь артиллерийский “high life”¹ (я был)»². Иногда этикетные тонкости военно-придворной среды, фиксируемые автором дневника, ускользают от понимания историка. Например, 24 апреля 1900 года В. С. Савонько записал: «...завтрак, обычно устраиваемый офицерам 23 Артиллерийской бригады, состоялся у нас в собрании в 1 час дня. Генерал Ляпунов

провозгласил процветание 23 бригады стаканом красного вина (!?). Генерал Ярыгин (командир 23 Артилл[ерийской] бр[игады]) ответил стаканом белого! Некорректность нашего командира была исправлена шампанским после обеда, которое потекло рекой часов до 4-х дня»³. 1 января 1902 года автор записывает свои впечатления о высочайших особах, как о старых знакомых: «К 10½ часам утра был по наряду в Зимнем Дворце на Высочайшем выходе, который состоялся в двенадцатом часу. Государь шел с Императрицей Марией Феодоровной. Императрица Александра Феодоровна с Сиамским Наследным Принцем. Это было довольно комично. Принц – маленький с мало интеллигентной физиономией. Он был в военной форме с длинным палашем. Государь показался мне немного бледным. Мария Феодоровна начинает делаться сутуловатой, Александра Феодоровна, как всегда, была в красных пятнах. Она старалась приветливо улыбаться и кивала головой. Государь кланялся едва заметными кивками»⁴.

В. С. Савонько окончил старейший в России 1-й кадетский корпус, затем Михайловское артиллерийское училище (в 1898 году) и был в первую очередь офицером русской гвардии, что ясно отразилось в его дневнике. Однако его больше привлекала преподавательская и просветитель-

ская деятельность, чем строевая служба. 5 декабря 1899 года в дневнике появляется запись: «В бригадной учебной команде я рассказывал нижним чинам о “введении христианства на Руси” (начало истории русского государства), причем было показано 35 туманных картин». 10 декабря того же года: «Рассказывал (я) в учебной команде об “Александре Невском” с 19 туманными картинами. Эти лекции я связываю между собою, дабы получить непрерывную историю России “вкратце”». 23 февраля 1900 года: «Читал в учебной команде о “книгопечатании на Руси” с 27 туманными картинами»⁵.

Вместе с тем В. С. Савонько ощущал себя историком-любителем, публицистом и коллекционером. В литературе неоднократно отмечался вклад русского офицерского корпуса в культуру, науку, другие отрасли человеческой деятельности, далекие от военного дела. «Примеры можно продолжать и продолжать, но вряд ли вызывает сомнение тот факт, что русское офицерство как в целом, так и через отдельных своих представителей было неразрывно связано со всеми областями отечественной культуры, было частью творившего ее социального слоя и внесло огромный вклад в ее развитие. Какую бы сферу культурной жизни России мы ни взяли, всюду оставили благотворный след люди в золотых погонах, выпускники кадетских корпусов и военных училищ» [2: 348].

Вообще образ «идеального» офицера в русской армии второй половины XIX – первой половины XX века был связан с представлением об «интеллигентности», то есть о широком кругозоре, гуманитарной образованности (прежде всего по классической военной истории). Еще в 1930-е годы маршал И. Э. Якир поднимал свой авторитет среди подчиненных, рассказывая, как понравилось И. В. Сталину то, что он мгновенно смог «набросать» схему расположения войск Ганнибала в битве при Каннах⁶.

В то же время известный военный публицист 60–80-х годов XIX века Р. А. Фадеев отмечал, что ошибочно требовать от младшего офицера общей образованности, широкого кругозора. «Сумма познаний, нужная офицеру не специальных оружий (то есть не артиллерии и инженерных войск, а пехоты и кавалерии. – К. Н.) для отличнейшего исполнения его обязанностей, весьма ограничена. В то же время военное дело составляет такую специальность, в которой характер человека, его инстинктивные способности, сметка, быстрая решимость, умение заслужить доверенность толпы, играют первую роль и могут поставить его очень высоко в своем ремесле. Отталкивать таких людей из-за алгебры и французской истории было бы китайским педантством»⁷.

К концу XIX века в ведущих европейских странах сложились системы подготовки офице-

ров, имевшие национальные особенности. В России при подготовке кадровых офицеров делалась ставка на молодых людей, прошедших многолетнее обучение в кадетских корпусах и военных училищах. При этом в числе учебных предметов большое место (около половины учебного времени) занимали общеобразовательные предметы. Юнкерские училища были предназначены для обучения молодых людей, не прошедших обучения в кадетских корпусах. Из военных и юнкерских училищ выпускалось приблизительно равное число молодых офицеров, но во время службы выпускники военных училищ имели явные преимущества перед выпускниками юнкерских училищ, которые считались офицерами второго сорта.

Одной из задач, которые ставились перед кадетскими корпусами и военными училищами в России, было уменьшить отсев воспитанников, поскольку это понижало эффективность деятельности этих учебных заведений (сумма затрат в пересчете на одного выпускника). В результате к началу 80-х годов отсев понизился до 8 %. Фактически всем поступившим в военное или юнкерское училище гарантировалось производство в офицеры, так что конкуренция между воспитанниками была исключена. Такая практика оправдывалась необходимостью воспитания в офицерах тесной, семейной сплоченности.

После окончания военного училища офицер считал свое образование законченным. Лишь небольшой процент офицеров русской армии оканчивал затем Академию Генерального штаба или одну из специальных академий (Артиллерийскую, Инженерную, Военно-юридическую и др.). Также невелико было число офицеров, повысивших свою квалификацию в офицерских школах (стрелковой, кавалерийской, артиллерийской, воздухоплавательной и др.). Система занятий с офицерами в частях практически не существовала.

Основным источником пополнения рядов офицеров запаса были вольноопределяющиеся, имевшие определенный образовательный ценз, отслужившие 1–3 года в армии и сдавшие экзамен на прапорщика запаса. Несмотря на предпринятые властями усилия по привлечению образованных молодых людей на военную службу, комплект офицеров запаса был ужасающий, доходивший до 75 % потребности военного времени⁸.

Русская и германская системы были в значительной степени противоположны. Важной особенностью немецкой системы подготовки офицеров была высокая конкуренция среди кандидатов. Военные школы в Германии комплектовались в основном из числа одногодичных вольноопределяющихся, служивших рядовыми в армейских полках. До военной школы доходило около 15 % поступивших одногодичными воль-

ноопределяющимися. Правда, из них далеко не все мечтали стать кадровыми офицерами. Однако считался нормой отсеивать из военной школы в 25–30 % набора, а уж в военные школы шли те, кто желал стать кадровым офицером. Популярность офицерской службы в Германии была такова, что часть молодых лейтенантов служила сверх штата без жалования. Особенно характерной такая ситуация была для артиллерии, где производство в чины было более быстрым, чем в пехоте или кавалерии, и многие ждали открытия вакансии в надежде на ускорение карьеры в будущем.

Другой особенностью немецкого офицерского корпуса были постоянные занятия, которые вели в частях с молодыми офицерами. Считалось, что холостой офицер должен посвящать весь свой досуг изучению военного дела. В результате современникам бросалась в глаза узость кругозора, ограниченность общего образования, но высокие профессиональные качества немецких офицеров.

Германская система подготовки офицеров была уникальна вследствие уникальных условий тогдашней Германии. Прежде всего, высокий уровень образования населения (которым не могла похвастаться, скажем, Россия), что позволяло черпать образованных кандидатов в офицеры и спокойно смотреть на их большой отсев. Затем высокий престиж армейской службы вообще и офицерской в частности. Последнее обстоятельство во многом связано с сохранением в Германии, особенно в Пруссии, мелкого дворянства, которое сохраняло определенную земельную собственность и представления о чести сословия, которое обрекали на военную карьеру (чего не существовало во Франции). Важным было отсутствие острых национальных противоречий в Германии, что позволяло отказаться от обязательного многолетнего обучения в закрытых учебных заведениях, где будущие офицеры получали «прививку» от национально-освободительного духа (проблема, характерная для Австро-Венгрии).

Во всех европейских армиях офицерский корпус продолжал оставаться клубом для избранных. В России главным барьером для проникновения «нежелательных» элементов в офицерский корпус были сословные ограничения. В других странах, где сословная структура была уже сильно разрушена, роль барьера играла плата за обучение в военно-учебных заведениях или за службу вольноопределяющимся. Во Франции существовала особая комиссия, определявшая «общую пригодность» абитуриентов и допускавшая их к вступительным экзаменам в Сен-Сир. Критерии «общей годности» публично не формулировались и позволяли учитывать негласные требования руководства страны и армии [4: 26–27]. В Германии этот барьер принял вид голосования офицеров полка по кандидатуре новичков. Эффективность такого способа была очень вели-

ка. Например, несмотря на формальную отмену вероисповедных ограничений еще в 1815 году, ни один иудей не стал офицером (хотя бы и запаса) прусской или германской армии до революции 1918 года. В кадровые офицеры был закрыт доступ даже крещеным евреям. Существовали отдельные полки, куда не допускались и выходцы из буржуазии [3: 224–226, 233–235].

Нечто подобное имело место и в России, но только в избранных гвардейских полках, когда желавший служить в полку молодой человек должен был получить неформальное согласие на это общества офицеров⁹. В. С. Савонько рассказывает об истории, связанной с нежеланием офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады допустить в нее группу офицеров, вернувшихся после окончания Михайловской артиллерийской академии со значительным повышением в чине. Командование заставило принять их, но большинством офицеров это было воспринято как вопиющее нарушение традиций¹⁰. Личная жизнь офицеров в таких частях была объектом пристального внимания. Женитьба офицера гвардейской артиллерии на разведенной женщине, с которой он был в связи до брака, неизбежно влекла его уход из гвардии и перевод в армейскую артиллерию, о чем также рассказывает В. С. Савонько¹¹.

В России, Франции, Австро-Венгрии потребность в офицерах была такова, что оградить офицерский корпус от «нежелательных» элементов было невозможно. Поэтому возникло деление офицеров на «первый» и «второй» сорта, особенно заметное во Франции (выпускники Сен-Сира и Сен-Максана) и Австро-Венгрии (выпускники академий и кадетских школ). В России эта тенденция проявлялась в особом положении гвардейцев, кавалеристов, артиллеристов и инженеров по сравнению с офицерами армейской пехоты. Обособленное положение занимали казачьи офицеры, которые были ближе к рядовым казакам, чем к офицерам других родов войск. Особым было также положение выпускников Пажеского корпуса, которые даже среди гвардейцев составляли достаточно замкнутую корпорацию.

В Австро-Венгрии, Франции, Великобритании за обучение в военно-учебных заведениях взималась довольно значительная плата, которая была непосильной для выходцев из крестьян или рабочих. В России сложилась уникальная система подготовки офицерских кадров, в которой деньги не играли главной роли. Офицерское образование, от кадетского корпуса до военного училища, было для большинства бесплатным. Такая система была единственно возможной в ситуации, когда требовалось множество офицеров для самой многочисленной армии Европы. Поэтому, несмотря на сословные ограничения, военное образование оставалось самым доступным видом образования для выходцев из небогатых слоев.

Как в Австро-Венгрии, так и в России был сознательно избран путь длительного воспитания офицера в закрытых учебных заведениях. В Дунайской монархии это давало необходимую прививку от национально-освободительного духа, а в России должно было, кроме прочего, дать гарантию от воздействия революционной пропаганды. При этом в России процент офицеров – бывших кадетов был наибольшим (до 1/2 молодых офицеров). В Австро-Венгрии он был ниже (1/3), в Германии еще ниже (1/4), а во Франции и вовсе ничтожным. Большая роль кадетских корпусов в России объяснялась, на наш взгляд, сравнительно слабым развитием системы среднего гражданского образования, особенно на окраинах страны.

Во всех рассмотренных нами странах, кроме Франции, имелись особо привилегированные военно-учебные заведения для отпрысков придворной аристократии и высшей бюрократии – Пажеский корпус в России, класс «селекта» Главного кадетского корпуса в Германии и Терезианская академия в Австро-Венгрии. Сверхэлитный характер этих учебных заведений закреплялся небольшим ежегодным выпуском – 60–70 офицеров из «селекты», около 100 из Пажеского корпуса и 150 из Терезианы.

Широкая общеобразовательная программа отличала учебные заведения Австро-Венгрии и, особенно, России. На наш взгляд, это было обусловлено тем, что армия в этих странах продолжала служить и в начале XX века источником для комплектования самых разных гражданских государственных учреждений, она была вынуждена нести функцию распространителя культуры, от которой была освобождена германская или французская армия.

Еще одной особенностью русской и австрийской системы подготовки офицеров была достаточно узкая специализация военно-учебных заведений, которые были четко ориентированы по родам войск. Поэтому выбор того или иного военного училища определял военную специальность, тогда как в Германии военная специальность определялась полком, куда поступал служить молодой человек.

Для Франции и Германии была характерна система двухуровневого военного образования, когда окончание военно-учебного заведения низшего уровня было достаточным для службы в пехоте, а для службы в артиллерии, инженерных войсках, иногда и кавалерии было необходимо пройти дополнительный учебный курс продолжительностью до 2 лет.

В Австро-Венгрии и, особенно, в Германии существовала развитая система профессионального совершенствования офицеров, которая поглощала их свободное время. В России подобная система существовала, но не была обязательной. Успешную карьеру, особенно в гвардии, можно было делать и не заканчивая офицерские школы (стрелковую, кавалерийскую и др.) или академию (Генерального штаба, артиллерийскую, инженерную и др.). Кстати, примером такой карьеры была служба В. С. Савонько, который дошел до чина полковника в родной ему гвардейской артиллерии, не проходя никакой профессиональной переподготовки после окончания военного училища.

В настоящее время готовится научное издание дневников В. С. Савонько. Мы полагаем, что правильно интерпретировать этот текст возможно только с учетом особенностей системы подготовки офицеров в России и других ведущих странах.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-01-00133.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Англ. «высший свет».

² Савонько В. С. Черная книга: 1899–1904 // ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 11. Ед. хр. 86–89. 25 нояб. 1899 г. Здесь и далее ссылки даются по датам записей.

³ Там же. 24 апр. 1900 г.

⁴ Там же. 1 янв. 1902 г.

⁵ Там же. 23 февр. 1900 г.

⁶ Вечернее заседание [Военного совета] 2 июня 1937 г. Выступление комкора Н. Н. Криворучко // Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Документы и материалы. М.: Росспэн, 2008. С. 183.

⁷ Фадеев Р. А. Вооруженные силы России. СПб.: Типография В. В. Комарова, 1889. С. 155. Работа была написана во второй половине 60-х годов XIX века.

⁸ Рассчитано нами по: [1; 99].

⁹ См., напр.: Трубецкой В. С. Записки кирасира. М.: Россия, 1991.

¹⁰ Савонько В. С. Черная книга. 6 янв. – 22 февр. 1903 г.

¹¹ Там же. 24 янв. 1907 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в.: Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1972. 616 с.
- Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 413 с.
- Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945. М.: Центрполиграф, 2007. 382 с.
- Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М.: Международные отношения, 1972. 496 с.

Nazarenko K. B., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

“ELITE CLUB”: RUSSIAN AND EUROPEAN OFFICERS IN V. S. SAVONKO’S DIARIES

Personal diaries of the Russian Guard officer V. S. Savonko, which were recently acquired by the Department of manuscripts of NLR, are a valuable source for the study of the history of the Russian Guard officers and especially for the history of pre-revolutionary era. To assess the value of the obtained historical source properly the system of officers’ training, developed in the strongest armies of Europe (Russian, German, French, Austro-Hungarian) by the end of the XIX century, was analyzed. The study of this issue has led the author to a conclusion that in all European armies the officer corps always enjoyed a status of an elite club. In different countries the barriers, preventing infiltration into the officers’ environment for the people from lower social classes, had diverse execution tools, but they all acted equally effective. The barriers consisted of such measures as legislated class privileges, high tuition fees in military schools, long-term training, unspoken filtrations of applicants, selection of candidates for particular officers’ regiments, high living standards’ requirements for officers. The need to provide a sufficient amount of trained officers for the army led to the social stratification in the officers’ ranks, their identification, and further development of the more or less privileged groups. In addition, the armed forces of different countries were vested with the responsibility to perform the role of a nursery (especially in Russia) assistive in cultural and educational development, which meant assignment of additional missions.

Key words: officer corps, training of officers, V. S. Savonko, armed forces

REFERENCES

1. Beskrovnyy L. G. *Russkaya armiya i flot v XIX v.: Voенно-ekonomicheskiy potentsial Rossii* [The Russian Army and the Navy in the XIX century: Military-economical potential of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 616 p.
2. Volkov S. V. *Russkiy ofitserkiy korpus* [The Russian officer corps]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003. 413 p.
3. Demetr K. *Germanskiy ofitserkiy korpus v obshchestve i gosudarstve. 1650–1945* [The German officer corps in the society and the state. 1650–1945]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007. 382 p.
4. Molchanov N. N. *General de Goll'* [General de Gaulle]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1972. 496 p.

Поступила в редакцию 09.11.2015